

Дюк Степанович (13)

Не белая березынька шатаетце,
Не лазóревы цветы расстилаютце —
Молодой Дюк сын Степанович поклоняетце,
Падáет своей матушке во резвы́ ногі,
Просит у ей благословеньица
Съездить-сходить в стольний Киев-град,
Посмотреть там князя со княгиною,
Посмотреть там бояр большебрюхиих
И посмотреть там богатырей преудалых.
Не дает ему мать благословеньица
Ехать-итти в стольний Киев-град:
«Молодѣшенек ты, зеленешенек,
Не умеешь ты с людьми сойтись-съехатца,
Не умеешь с ними поздороватца».
Во второй раз падает во резвы́ ногі,
Во второй раз просит благословеньица
Съездить-сходить в стольний Киев-град,
Посмотреть князя со княгиною,
Посмотреть бояр большебрюхиих.
Все-таки мать не дала благословеньица:
«Молодешенек ты, чадо милое,
Чадо милое, одинокое,
Не смею я тебе дать благословеньица —
Ты рассоришься с людьми проезжими,
Да набьют тебя понапрасну ведь».
В третей након в ноги падает,
Таковы речи выговаривает:
«Если дашь благословеньица, я поеду,
А не дашь благословеньица, я пешком да пойду».
Мати родимая заплакала, зарыдала горькими слезама:
«Настойчиво ты, неохотливо».
Дала ему благословеньица:
«Поезжай ты с Богом, чем пешком итти».
Мать ему наказывает:
«Не пей ты там зеленá вина,

Не хвастай своей удачей молодецкой,
Не хвастай богатством превеликим,
Не хвастай мной, да старой матушкой».

Вот дала благословеньца,
Пошел Дюк сын Степанович на конюшен двор.

Пошел на конюшен двор,
Повыбрал себе коня дóброго,
Коня дóброго, троелеточка.

(Богатство его было — оценить никто не могли.)

Выбрал коня троелеточка,
Седлал-уздал добр́а коня
Во двенадцать войлышков, во двенадцать плотничков,
Не для басы́ — для крепости.

Наверх клал седлышко зеркальчато,
В струмена ступил, на коня заскочил,
Потом не видели поездки молодéцкие,
Только видели: в поле куревá стоит,
Куревá стоит, да дым столбом валит.

Мелки речки конь перешагивал,
Крúпны реки перескакивал,
Скакал конь с укатистой на увалистой,
Мелки леса он промеж ног брал,
Крúпны леса перескакивал.

Выезжал Дюк сын Степанович
На раздолье поля на великое,
Вынимал трубочку подзорную,
Смотрел на все четыре стороны:

По западной стороночке — сер камéнь лежит,
По северной сторонушке — моря широкие,
Под восточной сторонушке — леса дремучие,
Под летной сторонушке увидел: стольний Киев-град стоит.
Подъехал к стольне Киеву-граду,
Заехал в стольний Киев-град.

Народу совсем вольного нету, по дороге шляющегося, увидел: только малые
ребятушки бегают, шалят.

«Ох вы, малы ребятушки,
Знаете ли, где палаты белокаменны
Солнце-батюшки Владимира-князя?»

Подъехал к палате белокаменной,
Вяжет коня за парадное крыльцо,
За парадное крыльцо, за золотó кольцо,
Заходит безо всякого докладаца,
Безо всякого решения.

Отворят двери широкие,
Молится по старой религии,
Кланяется во все стороны.

Мать выходит княгиня Апраксения:

«Куда же ты, добрый мóлодец, направился,
Куда, добрый мóлодец, путь держишь?» —

«До вас, княгиня великая, посмотреть вас
И посмотреть всех ваших людей подáнных,
Где же солнышко, бат, Владимир-князь?

Не видать его в палатах белокаменных». —

«Ушел он, сегодня день у нас воскресенье,
Ушел он в церковь божию,
Помолиться да Господу Богу».

И пошел Дюк Степанович во божью церкву,
Стает Чуриле Никитиче (*главный генерал*) под праву руку,
Солнышку-батюшке под леву руку.

(В середину идет, себя не низит мóлодец.)

Потом все богáтыри изумилисе, что за такой, растолкал всех. Стали его спрашивать: «Откуль ты приезжал, какого роду-племени?» А он им ответ: «Не то поют теперь, не то слушают, разговора постороннего не может быть, сейчас молятся.

Господу Богу надо молиться с понятием,
С понятием да с усердием».

Отошла служба воскресенская,
И пошел народ из храма божьего
По своим домам, всяк во свой дом.

Солнышко повел гостя с собой, народу волнение стало: приехал какой великой человек, не простой, приехал к солнышку без докладау, в церкви Чурилу отпихнул. По всему городу молва пошла. У солнышка пошел почестен пир. Расставляют столы. Собрал гостей, самых сильных

богатырей, самых почетных.

Вот на пиру стали все веселешеньки,
Все стали пьянешеньки.

Дюк Степанович от калачика верхню корочку откладывает,
Нижню корочку под стол кладет,
Серединку откусывает.

«Верхня корочка пригорелая у вас,
Нижня корочка призадымлена,
А у моей матушки — помелóчко шелкóвое, пóдики серебряны,
Один калачик съешь — по другом душа горит».

А богатые бояре его обнесли:

«Что ты за невежа, за скотина такой,
Наш пир не во что кладешь, царя ничем считаешь,
Все нас, богатых да бояр, не тем зовешь!
У нас есть богатыри такие — тебя возьмут,
На одну долóнь посадят, другой долóнью придавят».

С Чурилой Никитичем они прирасхвастались

Своей удалью великою,

Стали биться о велик заклад:

Через Неву-реку который перескочит,

А не перескочит — с того голова долой.

Наш Дюк Степанович не подаваетце: «Не дорожу я своей головушкой, бьюсь я и документы пишу

о своей головы». Поехали к Неве-реки с Чурилой Никитичем на добрых конях. Чурила Никитич скочил —

в реку упал со добрым конем, плавает все там на реке, а Дюк Степанович скочил — через перескочил,

перескочил — обратно скочил, Чурила Никитича хватил за бéлы вóлосы и со всем конем обратно скочил.

Вот сейчас Дюк Степанович хочет рубить голову Чуриле. Стали его упрашивать: «Первóй вины да Бог

простит». Дюк сын Степанович и простил первóй вины. Опять сделали пирушку. А он опять расхвастался:

«Вам не описать у меня богатство великое — чернил, бумаги не хватит».

Матушке письмо в погорелку с конем послал. «Мне матушка пришлет одежду чистую, богатую, —

вам такой не видать». Конь сбегал взад-вперед. Скоро сказка сказывается...

Матушка заплакала, зарыдала.

Нашла самоцветное платье самое дорогое. (А его уж там заарестовали почти.) Вот привел конь одежду

великую. Дюк Степанович обрядился в само цветное пальто и шапку и всё наложил. Одежда была, как

зеркало. А по пуговкам проведет, каждая пуговка своим голосом поет. Цены дать не могли. Пошли

конюшен двор описывать. Тоже цены не могли дать. Всё описали и опять сделали пир. Покорил Дюк

сын Степанович, покори́л он богатырей богатством всех, покори́л он сто́льный Киев-град. И Дюк стал

почетный гражданин, по всему земному шару славится. Вот прославили его, прописали первым богатырем,

первым богачом.

(Зап. Лупановой И. П.: авг. 1942 г., сел. Усть-Цильма — от Кислякова Ивана Григорьевича, 70 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:

Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.